

Валентин Непомнящий, литературовед,
лауреат Государственной премии

1. *С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?*

Самая близкая мне традиция и предмет моих исследований – это русская культура 19-го века, то есть классическая эпоха русской культуры и русской литературы, знаменуемая Пушкиным, Гоголем, Гончаровым, Достоевским. Но поскольку я философствующий пушкинист, а не историк литературы в привычном смысле слова, то я также являюсь продолжателем традиций русской философии рубежа 19-го и 20-го веков. И тут более всего мне близки такие философы, как Семен Людвигович Франк и Иван Александрович Ильин.

- Чем для вас так притягательна традиция русской классической литературы?

Прежде всего тем, что это традиция ценностного подхода к бытию. Эта эпоха унаследовала ценности допетровской Руси – духовные, христианские и по-своему, на секулярном языке их сформулировала для мирского сознания. Прежде всего это относится к творчеству Пушкина, который своей лирой пробуждал чувства добрые и призывал милость к падшим. Тем самым он сформулировал типично христианское, православное отношение к роли культуры. Ведь слово «падший» на языке христианском означает «грешный». И неслучайно самая короткая молитва: «Господи, помилуй мя, грешного». Думал об этом Пушкин или нет, но он сформулировал именно такой подход. А пробуждение «добрых чувств» это не что иное, как понимание искусства как некоторой ценностной деятельности, направленной не на развлечение, а на улучшение человеческого рода, на то, чтобы человек вспомнил о своем подобии образу Божьему. Тот же Пушкин сформулировал еще одно кредо, которому следует русская литература 19-го века. Ни один поэт, кроме русского, не сказал: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Вспомним для сравнения слова небезызвестной героини романа «Унесенные ветром»: «Я пойду на всё, но никогда не буду голодать». Твердое плебейское кредо и американская мечта, а теперь уже мечта всего западного прогрессивного мира. В отличие от этого кредо русской литературы – аристократическое. Оно означает ответственность и понимание того, что всё в жизни происходит неслучайно. И, если человек страдает, значит он какую-то ответственность несет. И сбрасывать с себя эту ответственность он не может и не хочет. Поэтому: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Если русская культура будет хотя бы в какой-то мере соблюдать этот закон, то она выживет. А если нет, тогда ее не будет. Не будет культуры, не будет и России, а будет совсем другая страна и другая нация.

- А какое значение имеют для вас труды философов, которых вы назвали – Семена Франка и Ивана Ильина?

Я вышел на них через Пушкина, через свой подход к Пушкину. А подход у меня всегда был философский. И вот эти авторы, не будучи филологами и пушкинистами, но осмысливая феномен России, обратились к феномену Пушкина, что было совершенно неизбежно. Без этого понять Россию нельзя. И они наиболее глубоко понимали, что поэт хотел сказать. А у меня был такой же подход, поэтому я как-то сомкнулся с ними. У меня даже есть совпадения буквальные с ними. Я изобретал тот же велосипед, не зная, что он уже изобретен. Просто, когда я начинал свои исследования пушкинского наследия, эти философы были недоступны для изучения. Потом уже я познакомился с их работами и обнаружил непосредственную связь с ними. Почему Франк и Ильин являются для меня центральными фигурами? Эти люди поставили перед собой почти невыполнимую задачу. Они попытались православное мирозерцание оформить философски. Это было настоящей потребностью человека Нового времени, которому нужно было идентифицировать себя как русского православного человека, но уже на языке понятийном. Это мне оказалось очень близко, потому что одним из самых главных объектов их внимания был в этом смысле Пушкин. Он делал то же самое, но на языке художественном. Но иногда и на понятийном – в публицистических текстах. При всей сложности внутреннего пути Пушкин был для них всегда человеком мыслящим православно. Потому что важен ведь дух, а не буква. Как сказано у апостола: «Буква убивает, дух животворит». Важно ведь не что ты думаешь и что ты говоришь, а как ты думаешь. Важен сам способ мышления. В одной из моих работ, которая вошла в мою книгу *Пушкин. Русская картина мира*, я предложил типологию христианских культур и назвал их так: рождественская и пасхальная культуры как пример разности способов мышления. Почему на Западе главный праздник Рождество? Потому что это очень лестно, когда Бог уподобляется человеку. Другое дело Пасха: Бог распял себя за человека, призывая его стать таким же. Это разные точки отсчета. Одна точка отсчета связана с собственным «я», другая – с идеалом. Трагедия и величие России в том, что она всегда точкой отсчета обозначала идеал, а не личные обстоятельства. Она всегда хочет идеального, и когда не добивается этого, тогда возникают всякие эксцессы, ужасы революции и т. д. Это иллюстрация к тому, как по-разному можно мыслить. Именно поэтому Пушкин говорит: «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». Он мыслит совершенно иначе, чем героиня «Унесенных ветром».

2. Какую эпоху русской культуры Вы считаете вершинной и почему?

Естественно, эпоху русской классики, и добавить тут, пожалуй, нечего.

3. Как сказалоь на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

Сказалоь разрушительно. Причем дело не в том, что культуру перестали финансировать и поддерживать. Была произведена тотальная и публичная смена точек отсчета, смена ценностей. То есть на первое место, на «рождественский манер», были поставлены ценности материальные, ценности земные, сиюминутные. Традиционные для русской культуры понятия цели жизни и смысла жизни были вытеснены понятием качества жизни, как это и произошло уже во всем цивилизованном мире.

- Вы беретесь утверждать, что это серьезно и глубинно?

Конечно, нет. Но слишком сильный был удар и сильный шок. К этому надо прибавить, что культура была сразу выброшена на панель коммерческую, и ей сказали: «Живи, как знаешь. У нас теперь рынок». Так что люди, которые ничем не могут заниматься, кроме творчества, были обречены стать нищими. Когда несколько лет назад Василь Быков издал книгу и его спросили о гонораре, он ответил: «Хватило на то, чтобы залить бак в машине». Это был удар жестокий, но это внешний момент. Главное, люди поняли, что их высокое и прекрасное теперь никому не нужно, и заниматься творчеством они могут для самих себя и тех читателей, которые в состоянии покупать их книги. Другое дело – русская душа. Это крепкий орешек, и, конечно, просто так ее не задушишь. Люди все равно продолжают писать книги, музыку, ставить спектакли. Это все равно происходит. Но это заслуга людей, а уж никак не общества и государства или новой системы. Система виновата перед этими людьми, и никаких заслуг у нее нет. Хотя что-то финансируется, есть какие-то гранты, но это смешно. Это подачки. Ситуация убийственная, и с ней приходится бороться кто как может. Каждый своими силами.

- Вы считаете, что надежды на ожидаемую свободу никак не оправдались и никакой свободы мы не обрели?

Я не раз писал об этом. Поразительно то, что наша творческая интеллигенция удивительно похожа на сестер Василисы Премудрой. Все думали, что будет свобода и перестанут душить высокие порывы. Но изо ртов вместо слов изрыгаются жабы и змеи. Большинство интеллигенции примкнуло к власти, к богатым. Такого никогда не было на Руси. Интеллигенция на Руси всегда поддерживала бедных и обиженных.

- Может быть, это та часть интеллигенции, которая всегда к чему-то примыкает?

Те, кто были порядочными людьми и кому было важно выполнение какой-то миссии, они такими и остались. Другое дело, что они куда-то исчезли. Их никто

не раскручивает и не пиарит. Они что-то там делают или пьют. А что касается свободы, то свобода безграничная – это оковы для творчества. Тут объяснять нечего. Поэт, для того, чтобы выразить свои мысли, должен заковать себя в форму. Прозаик – тоже. Форма это порядок, и это уже относительная свобода.

- Если многие примкнули к богатству и власти, значит, человек, воспитанный советской эпохой, оказался внутренне слаб и хил?

Конечно. Это страшная вина советской эпохи и большевистского мировоззрения. Оно воспитывало несвободных людей, которых можно купить. Нас и покупали. Все эти творческие союзы, дачи и прочее.

- Тогда чем нынешняя покупка хуже прежней?

Та покупка была откровенна и установлена сверху. Ты примыкал к власти, к сильным, но продолжал делать свое дело. Цензура чего-то не позволяла, но цензуру можно обмануть. А деньги обмануть нельзя. Спонсора обмануть нельзя. Раньше главная опасность шла извне: цензура, обкомы, партийные секретари. Сейчас основная опасность внутри, потому что в тебя внедряют другие ценности. Тебя убеждают в том, что нужно делать не то, что делаешь ты. Самое главное – качество, а не цель жизни. И это развращает изнутри. Большевистский тоталитаризм был дик, это была дубина, которая могла превратить человека в ничто. Тоталитаризм либеральный, прогрессивный, рыночный цивилизован, как нейтронная бомба: тело остается, но выжигается душа. Он не уничтожает человека, он его покупает и утилизирует в своих дальнейших интересах. Поэтому нынешняя эпоха страшнее, как это ни странно звучит. Тогда люди боялись смерти, Гулага. Сейчас они боятся бедности и нищеты. Совесть стала дешевле.

- Может быть, многое все-таки зависит от самого человека, от масштаба его личности?

Конечно. Но человек изуродован системой, в которой выживают только люди очень сильные. Конечно, главное – это сам человек. Но ведь должна быть ответственность государства и общества: в какие условия поставлен человек! Не только сам человек должен нести ответственность за себя. Скажем, по телевизору показывают какую-нибудь мерзость и при этом говорится: «Не нравится – не смотри». Это значит, что создатель этой мерзости снимает с себя всякую ответственность и возлагает ее целиком на меня. Это примерно то же самое, если мы будем утверждать: «Не хотите наркотики – не покупайте, а мы будем их производить и продавать».

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом к власти нового лидера?

Я не вижу каких-то зримых изменений. И это было бы странно. В культуре и духовной жизни никаких одномоментных переломов, поворотов быть не может. Потрогать руками изменение ситуации трудно. Когда я получал Государственную премию из рук президента, я тогда сказал: меня тревожит, что в президентском послании 2001 года нет ни слова о положении культуры. И если мы не выработаем концепции культуры и стратегии государственной в области культуры, то надо будет распрощаться с явлением, которое называется «русские мозги». Потому что природа этого явления гуманитарна, а не биологична. Мы попрощаемся с русскими мозгами и вообще с Россией как с культурой, как с нацией, как с явлением, каким она была до сих пор. В нынешнем послании президента ничего о культуре опять нет. Так что ничего принципиального в смысле изменения культурной ситуации я не ощущаю.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры? Нуждается ли в этом русская культура на данном этапе?

Никакой опеки, конечно, нет. Есть минимальная поддержка в виде грантов и прочего, о чем я уже говорил. С одной стороны, слава Богу, что нет опеки, мы знаем, что это такое. Но вместе с отсутствием опеки исчезла и ответственность государства за состояние культуры. Никто не хочет понять, что культура – это не надстройка над базисом. Культура – это условие существования нации как таковой, точно так же как душа – условие существования человека как такового. Но о душе думать никто не хочет. Всё откладывается на потом.

- Значит, государственная опека все-таки нужна?

Не опека, а поддержка, то есть создание таких условий, которые хотя бы не мешали развитию культуры, не мешали бы творческой инициативе людей. Необходима поддержка традиций русской культуры, и трагедия нынешнего положения заключается в том, что эти традиции выброшены на обочину, они маргинализированы. А на первый план вышло то, что может хорошо продаваться, но это не в традициях русской культуры.

- Уверены ли вы в том, что смысл традиций русской культуры не утрачен и «верхи» понимают, что именно нужно поддерживать?

Уверен. Все прекрасно знают, что русская культура всегда предлагала и защищала высокие человеческие ценности. Это простая вещь. Это была культура совести, культура добрых чувств, культура заботы о человеке, любви к человеку как к духовному существу. Это знают и чувствуют все. Даже самый последний первый

секретарь какой-нибудь чувствует, что Тургенев или Толстой, если он их когда-нибудь читал, это что-то такое хорошее. Однако сейчас считается, что это не слишком рыночно и не выдерживает конкуренции с произведениями, которые хорошо продаются. А стартовые условия равны. Но произведение искусства не может быть товаром, это не в традициях русской культуры. Поэтому все, что не товар, оттесняется в сторонку, а на первый план выходят хорошо продаваемые произведения, например, постмодернистов, которые подчас становятся властителями дум определенной части современных людей. И вся эта так называемая идеология постмодернизма претендует на то, что она является итогом развития человечества. Она включает в себя всё, что угодно. Всё одинаково хорошо, всё одинаково плохо. Главное: своим трудом зарабатывать себе на качество жизни.

б. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в новую эпоху?

Смотря что понимать под элитарностью. Элитарны в хорошем смысле Пушкин, Достоевский, тот же Борис Шергин. Это, конечно, элита, но это элита духовная. Это аристократы духа. Но, как правило, элитарность у нас понимают по-другому, называя элитой привилегированную часть интеллигенции, которая якобы понимает больше, чем другие. Такого рода элитарность всегда была мне ненавистна. Боюсь, что сейчас существует только элитарность второго рода, ущербная. А народность... Этот термин вообще вышел из употребления, как и слово «народ». Сейчас есть только «население». Духовное понятие «народ» заменили социальным и экономическим понятием «население». Ни о какой народности сейчас вообще не может идти речи. Трудно понять, что это такое. Для меня, например, ансамбль Дмитрия Покровского покойного – это вещь невероятно элитарная и народная одновременно. Вот это настоящая элита. А Дмитрий Пригов – элита во втором смысле. Это люди, которые хорошо устроились и считают себя умнее других.

- Можно ли говорить о том, что массовая культура подменила культуру народную?

Массовая культура это не народная культура, хотя десятки тысяч людей поют одни и те же песни. Но, между тем, массовая культура не выражает народной души. Она превращает народ в толпу, и это ее основная функция. Это стихийное бедствие всемирного характера, потому что человек дешевет. Как жизнь человеческая дешевет, так и душа его дешевет. И у меня такое ощущение, что Гомер и Леонардо да Винчи давно уже сложены в сундуки с нафталином, так же как и Элла Фицджеральд.

- Есть ли надежда, что, насытившись «поделками» массовой культуры, человечество захочет чего-то иного?

Я надеюсь, что, дойдя до дна, оно должно оттолкнуться, если не будет конца света. А это вполне вероятно в таких условиях. Человечество настолько поглупело, помимо всего прочего, что оно уже просто не понимает, где черное, а где белое.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

Безусловно, исключительно как служение. В каком смысле? В том смысле, в каком понимала свое служение русская культура и литература 19-го века, которая пробуждала чувства добрые. Мое служение заключается в том, чтобы, говоря о Пушкине, читая вслух Пушкина, рассказывая про него, публикуя о нем статьи, все время напоминать об этом человеке, которому надо верить. Пушкин отличается от очень многих мировых гениев тем, что он с поразительным чутьем, похожим на абсолютный музыкальный слух, ощущал образ Божий в человеке, будь то Борис Годунов, Сальери или Петруша Гринев. У Пушкина нет таких отрицательных героев, которых мы бы ненавидели и испытывали к ним отвращение, как к Ричарду Третьему у Шекспира. Представляя даже самого страшного героя, Пушкин говорит о том, как прекрасен человек, только он пошел не по тому пути. Каждый человек может быть Павлом, но многие остаются Савлами. Коротко говоря, это квинтэссенция того, что делает Пушкин. И мое служение заключается в том, чтобы об этом напоминать, на это указывать как на авторитет. И, как повторял Гоголь, «уж если сам Пушкин говорит, так уж, верно, совершенная истина». У нас это ощущение остается при всех безобразиях нашего времени. Вот этим я и пытаюсь заниматься.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

Убийственное, и не только на русскую культуру, но и на всякую другую. Ведь что такое глобализация? Это процесс устранения перегородок. Но без перегородок крыша-то рухнет. Мир очень велик, и если устранить в этом огромном помещении перегородки, то стенки не выдержат, потому что они тоже подвергаются всяким воздействиям. И вместо разных морей и океанов будет одна тухлая лужа. У всех народов разные культурные традиции, свой опыт – исторический, ментальный и т. д. Как можно все это соединить в нечто одно? Это значит всё уничтожить. Ведь всякая система должна быть структурирована, и наличие разных национальностей, культур, верований – все это структурирование. А глобализация разрушает структуру мира человеческого. Это тотальная энтропия, которая уничтожает культуры. И разные культуры оказывают сопротивление. Но какие формы примет это сопротивление, мы еще не знаем. 11 сентября показало, что нас на

этом пути тотальной вестернизации и соответственно глобализации ждут тяжелые испытания.

- Но ведь это следствие скорее политических и экономических проблем...

Не только. Это следствие корысти. Это заговор корысти против совести. Заговор сознаний, интересов. Глобализация – это придумка корысти. В результате глобализации за оградой земного рая, который воплощает собой концепцию золотого миллиарда, окажутся изгои. Без глобализации этого осуществить нельзя.

- Россия тоже попадает в число изгоев?

Безусловно. Поэтому так сложно мы утверждаем свои позиции в различных международных организациях. Нам выдвигаются требования, которые невозможно выполнить без чудовищного ущерба для себя. Россия, конечно, неудобна, потому что всем своим опытом, как положительным, так и отрицательным, она показывает, что нельзя построить рай на земле. Россия в этом смысле фотография всего мира. Неслучайно Чаадаев говорил, что Россия существует, может быть, только для того, чтобы дать миру какой-то важный урок. Вот этот урок она и дает: не о рае на земле надо думать, а о душе.

- Можно ли как-то сопротивляться явлению глобализации?

Дело в том, что всему можно сопротивляться. Говорят: время диктует, эпоха требует. Ничего время не диктует, и эпоха ничего не требует, кроме выбора. И ценности всегда можно выбирать. Другое дело, какой ценой это осуществлять. Но ценности надо выбирать обязательно. И если этот выбор сделать, то надо сопротивляться. И не только Россия об этом думает. Существует огромный восточный мир, который этого не хочет. Другое дело, что сопротивление может привести к чудовищным формам.

9. Сложилась ли в России новые взаимоотношения церкви и государства, и как это сказывается на русской культуре?

Болезненный вопрос. Внешне как будто все выглядит хорошо. В церковь ходят президент и его окружение, держат свечки, крестятся. Но на самом деле все драматично, прежде всего потому, что государство перестало быть верующим. Люди перестали быть верующими, в особенности те, кто стоят у власти. К тому же церковь переживает не лучшие свои времена. Она не покалась в своих прегрешениях в советскую эпоху. Никто внятно не сказал и не сформулировал, что делала церковь хорошего и что делала плохого при советской власти.

- Коснулось ли это как-то русской культуры?

Думаю, что глубинным образом – нет. Другое дело, что сейчас мне легче писать и говорить о каких-то вещах, о которых в советское время я не мог говорить прямо. Приходилось экивоками объясняться. Хотя в этом было свое преимущество, потому что когда натыкаешься на противодействие цензуры, начинаешь изобретать. И получается иногда лучше, чем когда идешь по прямой. Но, конечно, мне сейчас работать, и выступать, и писать легче. Не надо тратить дополнительные силы, чтобы дойти до цели. В этом смысле легализация церкви сыграла свою положительную роль, потому что люди вдруг внутренне освободились и стали думать на эту тему. В частности, моя книга *Пушкин. Русская картина мира*, в которой я воссоздал типологию христианских культур, – очень важная для меня работа. Одно церковное издательство выпустило другую мою книгу о Пушкине *Да ведают потомки православных*. Так что для меня в этой ситуации есть положительные моменты. Но главного, а именно, обращения к традициям русской культуры, не происходит. Я как-то говорил на одной из церковных конференций, что русскую культуру больше некому поддержать и защитить, кроме церкви. Но у церкви пока что много своих забот.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры, и можно ли говорить о новых тенденциях?

Безусловно, это завершение определенного этапа в развитии русской культуры. Завершение довольно печальное, если учесть современное состояние культуры. А новые тенденции связаны с постмодернистскими устремлениями и прочим подобным.

В нашей истории был сходный момент, когда Петр прорубил окно в Европу, и оттуда хлынуло все, что могло хлынуть. И тогда возник Пушкин, который, по словам Ивана Ильина, оказался «солнечным центром нашей истории». В его лице Россия, ее духовная сущность воспротивилась вестернизации, которую осуществлял Петр. Пушкин не дал уничтожить духовное наследие Руси допетровского времени и сложить его в сундук, поэтому с Пушкина началась великая русская литература Нового времени. И Россия уцелела как душа, как культура, как ментальность. Это случилось в переломную эпоху. Я надеюсь, что в будущем возникнет явление, симметричное явлению Пушкина. Не обязательно появится кто-то один, возможно, это будут несколько человек, которые создадут нечто, противостоящее энтропийным тенденциям в культуре. Они соберут в кулак все, что есть великого в русской культуре, и таким образом, может быть, поставят Россию на ноги духовно. Наша эпоха сходна с петровской в трагифарсовом преувеличении. При такой степени катастрофичности вполне возможно, что ответом на все это будет явление, которое можно будет сопоставить с явлением Пушкина.